

МАРИЯ
КИРОВА

МОИ ВРАГ

ВНУТРИ МЕНЯ

ОН ХОЧЕТ МЕНЯ. Я НЕНАВИЖУ ЕГО.
НО КАЖДАЯ ЕГО ТЕНЬ — МОЁ ИСКУШЕНИЕ.

Мария Кирова

Мой враг внутри меня

«Автор»

2026

Кирова М.

Мой враг внутри меня / М. Кирова — «Автор», 2026

Он чувствует каждый её вдох. Она - каждую его боль. А желание между ними может оказаться опаснее любой магии. Сира Лан проникает в закрытый архив, чтобы найти следы исчезнувшей сестры. Но вместо ответов крадёт цилиндр из кровавого железа и попадает в руки Вейна - безжалостного командира, который слишком хорошо знает её настоящее имя.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кровавое железо	5
Глава 2. Печать	10
Глава 3. Допрос без двери	15
Глава 4. Бездыханные	21
Глава 5. Пятьдесят шагов	26
Глава 6. Разрешение	31
Глава 7. Подпись	36
Глава 8. Первый ребёнок	41
Глава 9. Невозможная родня	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мария Кирова

Мой враг внутри меня

Глава 1. Кровавое железо

Сира

В эту ночь мне нужно украсть одну вещь.

Лорд Вейн в мой план не входит.

Я замечаю его в отражении тёмного стекла: высокий мужчина в чёрном мундире стоит у двери закрытого хранилища и молча смотрит, как я взламываю королевскую печать.

Оборачиваться не спешу. Пока человек уверен, что остался незамеченным, он иногда выдаёт больше, чем собирался.

Вейн ничего не выдаёт.

Серебряная цепь старшего инквизитора лежит на груди ровно. Руки спрятаны за спиной. Лицо спокойно, будто он застал меня не за государственным преступлением, а за скучной сверкой каталога.

Только взгляд слишком внимательный.

– Если собираетесь меня арестовать, – говорю я, продолжая возиться с шифровальным цилиндром, – подождите минуту. Я почти победила государственную тайну.

– Ты держишь её вверх ногами.

Голос у него низкий, чуть хриплый. Не самый подходящий голос для человека, которому положено внушать благоразумие.

Я переворачиваю цилиндр.

– Значит, всё-таки помогаете.

– Я ещё не решил.

– Что именно?

– Помогать или арестовывать.

– Начните с помощи. Арестовать всегда успеете.

Угол его рта едва заметно двигается.

Почти улыбка.

Я снова поворачиваюсь к замку и заставляю себя думать о деле.

За стеной капает труба. На нижнем этаже храпит ночной служитель. Господин Тевр уверен, что выпил со мной один стакан яблочной настойки. На самом деле три. После второго он сообщил, где хранится запасной ключ, после третьего признался, что ненавидит мопса своей жены.

Иногда путь к государственной тайне проходит через чужую семейную драму.

Я готовилась к этой ночи три месяца. Выучила маршруты стражи, подменила страницу каталога, сняла слепок с печати. По четвергам старшие инквизиторы проверяют западную башню.

Сегодня четверг.

Вейн не должен быть здесь.

– Вы изменили маршрут, – говорю я.

– Ты следила за моими маршрутами?

– Я архивистка. Мы называем это работой с источниками.

– Три месяца?

Пальцы замирают на металлическом кольце.

Он знает.

Не только о сегодняшней краже. О подготовке.

– Вы переоцениваете собственную занимательность.

– Возможно.

Шрам под левым рукавом отзывается тупой болью.

Я сильнее сжимаю цилиндр.

Кровавое железо не реагирует на обычных людей. Оно чувствует только тех, кого Таррен когда-то пометил: номером, печатью или чужой волей.

Но сейчас металл тянется не только ко мне.

К Вейну тоже.

– Давай, – шепчу цилиндру. – Мы оба знаем, что сегодня ты отсюда уйдёшь.

– Я тоже надеялся услышать нечто подобное, – замечает Вейн.

Я наконец оборачиваюсь.

Вблизи он выглядит моложе, чем на официальных портретах. Тёмные волосы влажные от дождя. У виска тонкий шрам. Серые глаза светлые и холодные – до тех пор, пока не задерживаются на моём лице.

На его левом плече сидит серая моль.

– Это служебное животное? – спрашиваю я.

Вейн косится на плечо.

– Нет.

Моль спокойно чистит усик.

– Она с вами не согласна.

– Такое случается.

Он делает шаг.

Я не отступаю. За спиной шкаф, а выглядеть смелой всё равно полезнее, чем прижатой к мебели.

– Что внутри цилиндра? – спрашивает он.

– Пыль.

– В запечатанном хранилище?

– Особенно ценная.

– Сира.

Моё имя в его голосе звучит странно. Слишком знакомо.

Я прижимаю цилиндр к груди.

– Мы встречались?

– Ты работаешь в этом архиве четыре года.

– И всё это время следили за служащими лично?

– Не за всеми.

Ответ приходит слишком быстро.

Я смотрю на него внимательнее.

– Это должно польстить?

– Нет.

– Хорошо. Не польстило.

Ложь получается неубедительной даже для меня.

Вейн замечает паузу, но не пользуется ею. Просто переводит взгляд на цилиндр.

– Ты ищешь не документ.

Внутри меня всё сжимается.

– Вы умеете делать выводы.

– Ирма Лемар.

Воздух застревает в горле.

Имя сестры не произносили рядом со мной много лет. Не потому, что я забыла. Потому что слишком хорошо помню.

Ирма смеялась во сне. Ненавидела варёный лук. Всегда дёргала дверь, не проверив, заперта ли она. В ночь пожара в Пепельных копиях она толкнула меня в вентиляционную шахту и захлопнула железную заслонку.

«Беги, Вирра».

Мне было двенадцать. Ей тоже.

Наружу выбралась только я.

С тех пор я искала её в списках погибших, ведомостях перевозок, закрытых лечебницах. Везде – пустота. Слово Ирмы никогда не существовало.

Но внутри этого цилиндра хранится последний маршрут конвоя из копеек.

Мой единственный след.

– Откуда вы знаете её имя? – спрашиваю я.

Взгляд Вейна опускается к моему левому рукаву.

– Оттуда же, откуда знаю твоё настоящее.

Вирра.

Он не произносит его, но слово всё равно встаёт между нами.

– Моё имя Сира.

– Я знаю.

Без спора. Без насмешки.

От этого становится только хуже.

– Вы были в копиях, – говорю я.

Вейн молчит.

– В ночь пожара.

Моль на его плече складывает крылья.

Шрам под кожей тянется к нему тонкой горячей нитью.

– Отдашь цилиндр, – произносит он, – и я отвечу на один вопрос.

– На любой?

– На тот, на который смогу.

– Как щедро.

– Я не обещал щедрости.

Он подходит ближе.

Между нами остаётся меньше шага.

– Ты думаешь, я пришёл тебя арестовать.

– Вы старший инквизитор. Я взламываю королевское хранилище. Это не самая смелая догадка в моей жизни.

– Если бы я хотел арестовать тебя, ты уже была бы в цепях.

– Удивительно успокаивает.

– Я пришёл проверить, кто первым найдёт вторую печать.

Я смотрю на красный сургуч. Под ним проступает серый металл, знакомый до тошноты.

Руда Пепельных копеек.

Шрам пульсирует.

– Вы знали, что цилиндр отзовётся на меня.

– Предполагал.

– Поэтому позволили готовиться три месяца?

– Я позволил тебе думать, что не замечаю.

Злость вспыхивает мгновенно.

– Следили за мной.

– Наблюдал.

– Это то же самое, только в дорогом мундире.

Я резко проворачиваю кольцо.

Пружина внутри сдаётся. Цилиндр выскальзывает из гнезда, и я едва успеваю поймать его у самого пола.

Тяжёлый. Холодный. Мой.

Я прячу его под плащ и иду к двери.

Вейн отступает, оставляя узкий проход между собой и косяком.

– Вы позволите пройти?

– Позволю.

Разумеется. Побег обязательно должен включать протискивание мимо мужчины, который знает моё прошлое и пахнет дождём, хвоей и холодным металлом.

Я поворачиваюсь боком.

Цилиндр нагревается.

Шрам вспыхивает.

Я резко втягиваю воздух.

Вейн ловит меня за запястье.

Не больно. Точно.

Его пальцы холодные, но под кожей разливается жар. Металл в моей руке отвечает на прикосновение так, словно ждал его десять лет.

На секунду архив исчезает.

Остаётся только его ладонь, мой сбившийся пульс и взгляд, от которого трудно спрятать даже мысль.

– Отпустите.

Вейн сразу разжимает пальцы.

Я отступаю и прижимаю запястье к груди.

– Ты стала старше, – говорит он.

В комнате становится холоднее.

– Значит, мы всё-таки встречались.

– Однажды.

– Где?

Он смотрит на шрам.

– В огне.

Я делаю шаг к нему.

– Ирма была рядом?

– Сира...

– Была?

Дверь распахивается прежде, чем он отвечает.

В хранилище влетает Элиан – девятнадцатилетний писарь с чернильными пятнами на пальцах и мечом, который он держит так, будто оружие лично его оскорбило.

– Сира, ставни закрываются...

Руны на полу вспыхивают фиолетовым.

Цилиндр вырывается из-под моего плаща и висит между мной и Вейном. От него к нашим запястьям тянутся две нити света.

Элиан бледнеет.

– Кровная печать.

Вейн смотрит не на цилиндр.

На меня.

– Вниз.

Я не успеваю спросить зачем.

Он сбивает меня с ног за миг до того, как фиолетовая дуга срезает каменную полку над моей головой.

Мы падаем вместе.

Его тело закрывает моё. Одна ладонь защищает затылок, другая упирается в пол возле моего плеча. Между нашими лицами остаётся несколько дюймов.

Я слышу тяжёлый удар сердца.

На втором понимаю, что он не мой.

Вейн поднимает голову. Его привычное спокойствие впервые даёт трещину.

Не от желания – хотя связь успевает поймать и его.

От страха за меня.

– Цела?

– Спросите, когда перестанете на мне лежать.

– Значит, целая.

Он поднимается и протягивает руку.

Я встаю сама. Ноги сразу напоминают, что вечер получился слишком насыщенным.

Вейн не комментирует. Только заслоняет меня от рун и вытаскивает клинок.

Фиолетовый свет собирается у ног Элиана.

Печать выбрала виновного.

Не меня.

Мальчишку, который пришёл предупредить.

– Теперь, архивистка, – говорит Вейн, – решай. Цилиндр или человек.

Я смотрю на Элиана.

Потом на инквизитора, который уже знает мой ответ.

– Плохой вопрос, лорд Вейн.

– Почему?

Я вытаскиваю нож.

– Потому что я заберу обоих.

Глава 2. Печать

Сира

Железные ставни захлопываются одна за другой.

Грохот прокатывается по архивному крылу. Фиолетовые руны ползут по стенам и высвечивают пыль, паутину и старые бурые пятна между камнями.

Я предпочитаю считать их ржавчиной.

Элиан стоит у двери. Свет уже обвинил его сапоги.

– Не двигайся, – говорю я.

– Я и не собирался.

Меч дрожит в его руке так сильно, что позорит металл.

Вейн проходит между нами. Спокойно, будто минуту назад не лежал на мне всем телом.

Я заметила.

К сожалению, тело тоже.

Он опускается на одно колено и касается руны остриём клинка. Свет взбирается по стали, добирается до гарды и обжигает пальцы. Вейн даже не морщится.

– Печать обвиняет последнего, кто вошёл после изъятия предмета, – говорит он. – Для служащего без родовой защиты наказание – отсечение кисти. Если контур решит, что он помогал намеренно, – головы.

Элиан роняет меч.

Звон режет тишину.

– Он ни при чём, – говорю я.

– Я знаю.

– Тогда остановите печать.

Вейн поднимает на меня взгляд.

– Не могу.

– Или не хотите?

– Сейчас разница не имеет значения.

– Элиану имеет.

Фиолетовый свет поднимается к его коленям. Он смотрит не на старшего инквизитора – на меня.

Будто я знаю, что делать.

Обычно план приходит за секунду до катастрофы. Сегодня он запаздывает.

Я могу промолчать. Позволить печати забрать мальчишку и уйти с цилиндром, пока Вейн занят протоколом. Именно так выживают внутри большой машины: вовремя подставляют соседнюю шестерёнку.

Так я уже жила.

Ирма толкнула меня в вентиляционную шахту и осталась у заслонки. Десять лет я называю это спасением, потому что другое слово звучит хуже.

Обмен.

Хватит.

– Закрой глаза, – говорю Элиану.

– Зачем?

– Не хочу, чтобы ты видел, как я совершаю дорогую глупость.

– Сира...

– Закрой.

Он слушается.

Я вытаскиваю цилиндр, срываю рукав и прижимаю шрам к серой печати под сургучом.

Вейн понимает раньше, чем я успеваю вдохнуть.

– Не делай этого.

– Вы предложили выбрать.

– Это не выбор. Железо возьмёт всё, до чего доберётся.

– Тогда у нас с ним одинаково плохие манеры.

Магия вливается в вены ледяной иглой.

Требует кровь.

Тепло.

Имя.

Я отдаю ей мёртвую руду, спрятанную в руке. Тяжесть идёт из костей в цилиндр, медленно, будто металл вырывают вместе с нервами.

Перед глазами вспыхивают копии.

Чёрный потолок. Пыль во рту. Пальцы Ирмы на моём рукаве.

Беги, Вирра.

Печать тянется к старому имени.

Я стискиваю зубы.

Нет.

Его я больше не отдам.

– Сира, – говорит Вейн.

Не Вирра.

Сира.

Его голос проходит сквозь боль. Я цепляюсь за него прежде, чем успеваю решить, хочу ли.

– Смотри на меня.

– Вы любите эту команду.

– Сейчас она полезна.

Я поднимаю глаза.

Вейн стоит рядом. Одной рукой держит клинок в руне, другой обхватывает моё предплечье выше шрама. Не сжимает. Не лишает возможности отдёргнуть руку.

Холод его ладони собирает боль в одну точку.

– Отдай печати металл, – говорит он. – Не память.

– Она не слушается.

– Заставь.

– Великолепный совет.

– Ты умеешь злиться. Используй.

Я думаю о пустых списках. О детях, записанных в графу «расход». О десяти годах, которые Вейн знал больше меня и молчал.

Злости хватает.

Металл под кожей нагревается. Я выталкиваю его в цилиндр.

Руны чернеют и трескаются. Из швов вырывается густой дым с запахом озона и гнили. Фиолетовый свет гаснет у самых бёдер Элиана.

Он открывает глаза.

– Всё?

– Беги.

Элиан смотрит на Вейна.

Одного приказа хватит, чтобы его остановить.

Инквизитор медленно опускает клинок.

– Забери меч, писарь. Оружие ни в чём не виновато.

Элиан хватает его и делает шаг к двери, но останавливается.

- А Сира?
- Я выйду следом, – говорю я.
- Это ложь.
- Неуместное развитие наблюдательности.
- Я не уйду.
- Уйдёшь, – произносит Вейн.
- Элиан бледнеет.
- Это приказ?
- Совет человека, который собирается нарушить ещё несколько законов ради твоей

подруги.

Мы оба поворачиваемся к нему.

Вейн выглядит так, будто хотел сказать иначе.

Я – будто не услышала слово «ради».

– Северная картотека, – продолжает он. – Твоя фамилия уже внесена в журнал ночного поручения. Если встретишь стражу, скажешь, что выполнял мой приказ. До лестницы не беги. Виновные бегут.

– Я и есть виновный.

– Необязательно выглядеть старательным.

Элиан кивает и уходит. За дверью сначала слышны быстрые шаги, затем более медленные.

Он всё-таки умеет слушать, когда жизнь объясняет достаточно убедительно.

Мы остаёмся вдвоём.

Ставни заперты. Руны погасли. Цилиндр дымится у меня в ладони.

Левая рука дрожит, и я прячу её в складках юбки.

Вейн замечает.

– Покажи.

– Нет.

– Железо могло уйти глубже.

– Это моя рука.

– Пока да.

– У вас редкий талант успокаивать людей.

Он снимает перчатку. На пальцах свежий ожог от руны.

– Вы тоже ранены.

– Незначительно.

– Тогда можем одинаково успешно игнорировать друг друга.

Вейн подходит ближе.

Я отступаю, пока лопатки не упрутся в стеллаж. На верхней полке дрожит банка с засушенными языками. Архив умеет создавать настроение.

– Отдай цилиндр, – говорит он.

– Арестуйте меня.

– Это не одно и то же.

– Для Внутреннего Круга одно. Человек, запись, тело, улика.

Его лицо становится жёстче.

– А для тебя?

– Люди не превращаются в строки после смерти.

– Поэтому ты десять лет ищешь сестру, которой нет в реестрах.

Слова попадают точно под рёбра.

– Откуда вы знаете о ней?

Вейн поднимает руку, но останавливает пальцы возле моей щеки.

Ждёт.
Не приказа. Разрешения.
Это маленькая вещь. Почти незаметная. Но в копиях никто не ждал.
Я отвожу лицо.
Вейн опускает руку.
Почему-то правильный поступок разочаровывает сильнее, чем должен.
– Вы знали, что печать привяжется ко мне, – говорю я.
– Я знал, что она узнает руду.
– И позволили взять цилиндр.
– Мне нужен был человек, которого Таррен считает возвращаемым.
– Вещь.
– Я этого не сказал.
– Система сказала за вас.
– Система не говорит моим голосом.
Пятиконечная трещина на цилиндре вспыхивает.
Из неё выстреливают две нити – чёрная и синяя. Чёрная впивается в мой шрам. Синяя
– в запястье Вейна.
Мы одновременно делаем вдох.
И не можем выдохнуть.
Грудь сжимает невидимый обруч. Я хватаюсь за горло. Вейн шатается, впервые теряя
безупречное спокойствие.
Мне следовало бы насладиться зрелищем.
Вместо этого страшно.
Его страх ударяет во мне так же ясно, как собственный: холод под грудиной, дым на
языке, металлическая дверь, которую невозможно открыть.
За ней кто-то стучит.
Раз.
Два.
Пауза.
Четыре.
Не моё воспоминание.
Его.
– Смотри на меня, – хрипит Вейн.
Я не хочу.
Смотрю.
Он поднимает ладонь и считает пальцами.
– Вдох на четыре. Вместе.
– Мы уже вдохнули.
– Ещё раз. Медленно.
Один.
Два.
Три.
Четыре.
Воздух входит одновременно. Обруч ослабевает.
– Теперь выдох.
Мы выдыхаем друг в друга.
Между лицами меньше ладони. Зрачки Вейна расширены. На виске бьётся жила. Я чув-
ствую его боль, страх и внимание к моим губам.
Не приказ печати.

Его собственное желание.

Моё отвечает слишком быстро.

Нити исчезают под кожей.

На запястье Вейна проступает половина пятиконечной звезды.

Такая же появляется у меня.

– Что это?

Он смотрит на метку.

– Связь Таррена.

– Вы сказали «ошибка».

– Я надеялся.

Звезда обжигает кожу.

Ложь.

Я отступаю.

На третьем шаге ничего не происходит.

На седьмом грудь тянет.

На двенадцатом лёгкие схлопываются.

Я не успеваю выругаться. Вейн ловит меня за талию и прижимает к себе.

Воздух возвращается мгновенно.

Его ладонь лежит на моём боку. Моя – на его груди. Под мундиром сердце бьётся тяжело и неровно, а связь переносит в меня его облегчение так ясно, что на миг хочется закрыть глаза и остаться.

Я отталкиваюсь.

Он сразу отпускает.

– Пятьдесят шагов, – говорит Вейн. Голос стал ниже. – Возможно, меньше, пока связь не закрепится.

– Тогда держитесь рядом, лорд Вейн.

– Это угроза?

– Приговор.

– Бывали хуже.

Метка пульсирует.

Боль выдаёт ложь.

Я поднимаю взгляд.

– Правда?

Вейн смотрит на звезду, потом на меня.

– Нет, Сира.

Впервые за ночь он отвечает без защиты.

– Хуже не было.

Глава 3. Допрос без двери

Сира

Вейн ведёт меня не в тюремное крыло.

Это должно успокаивать.

Не успокаивает.

По дороге мы трижды встречаем стражу. Первый патруль Вейн отправляет проверять западные ставни. Второму сообщает об утечке пепла в нижнем хранилище. Третьи слишком хорошо знают его лицо и слишком плохо – моё, поэтому я иду на полшага позади, завернувшись в его плащ и изображая виноватую помощницу.

С виноватой частью всё просто.

С помощницей хуже.

Плащ тяжёлый и тёплый. Пахнет хвоей, дождём и мужчиной, которого мне следовало бы ненавидеть без лишних осложнений.

Связь под рёбрами ощущается натянутой нитью. Я чувствую Вейна рядом даже не глядя: ровный ритм сердца, боль в обожжённых пальцах, усталость, спрятанную так глубоко, будто она тоже служебная тайна.

Он чувствует меня не хуже.

Очень неудобно сохранять достоинство рядом с человеком, который буквально знает, когда у тебя вспотели ладони.

Навстречу спускается рыжая женщина в форме младшего инквизитора. Арбалет висит у неё за плечом, волосы собраны наспех.

– Лорд Вейн, верховный Сорен требует всех старших в главном зале.

– Через десять минут.

– Он сказал немедленно.

– Передайте, что я занят последствием его некачественной печати.

Женщина переводит взгляд на меня.

Плащ велик. Из-под края видны архивные туфли и обгоревший рукав.

– Это последствие?

– Одно из.

Её лицо становится слишком понимающим.

– Разумеется, милорд.

Она проходит мимо, старательно не улыбаясь.

Я жду, пока шаги стихнут.

– К утру весь архив будет уверен, что вы занимаетесь последствиями в служебных комнатах.

– Слухи полезны. Люди хуже замечают правду, когда им предлагают более интересную ложь.

– Вы всегда такой скучный?

– Нет. Иногда сплю.

– Не верю.

Метка жалит меня, хотя лгала не я.

– Очень справедливое проклятие, – говорю я. – Наказывает женщину за здоровое мнение о мужчине.

– Возможно, Таррен согласен со мной.

– Тогда у системы нет вкуса.

Вейн не оборачивается, но связь приносит короткую тёплую волну.

Он смеётся.

Не вслух. Внутри.

Открытие опасное. Ещё опаснее желание повторить.

Мы сворачиваем к лестнице переплётчиков. Вейн идёт быстро, но на поворотах замедляется, чтобы нить между нами не натягивалась. Не объявляет об этом. Просто придерживает дверь и подстраивает шаг.

Я замечаю.

Злюсь на себя за то, что замечаю.

На втором пролёте он резко останавливается.

Я врезаюсь носом ему между лопаток.

– Предупреждать нужно.

– Ты шла тише.

– Это называется осторожность.

– Она наступает после кражи?

– До кражи была подготовка.

Снизу слышны голоса.

Двое стражников обсуждают, кого назначат виновным в уничтожении печати.

– Писаря, – говорит один. – Молодой, без семьи. Удобно.

Элиан.

Я сжимаю перила.

– Они его найдут.

– Не сегодня, – тихо отвечает Вейн. – Его фамилия внесена в журнал моего ночного поручения.

Я смотрю на него.

– Когда успели?

– До того, как ты решила, что следишь незаметно.

– Вы прикрыли его заранее.

– Он не был частью плана.

– А я была.

Вейн не отвечает.

Связь между нами холодеет.

Вот настоящая причина его появления в хранилище. Не случайность. Не патруль. Он ждал, пока я возьму цилиндр, потому что системе нужен был мой шрам.

Мне хочется потребовать правду прямо на лестнице, но стражники начинают подниматься.

Вейн открывает ближайшую дверь и втягивает меня в чулан.

Здесь пахнет клеем, мокрой кожей и лавандой. На полках лежат рулоны ткани. В центре одна табуретка и слишком мало места для двух взрослых людей, один из которых привык занимать собой всё пространство.

– У вас редкий талант выбирать комнаты для свиданий, – шепчу я.

– Это не свидание.

Метка на его руке вспыхивает.

Мы оба замираем.

Я медленно поднимаю бровь.

– Интересно.

– Формулировка была неточной.

– Хотите исправить?

Шаги приближаются.

Вейн наклоняется так близко, что его дыхание касается моих губ.

– Сейчас я хочу, чтобы ты молчала.

Метка остаётся спокойной.
Желание в связи становится тяжёлым и ясным.
Не приказ.
Не магия.
Его собственное.
Моё тело отвечает раньше разума.
Я должна отступить, но за спиной полка.
Стражники останавливаются за дверью.
– Проверить чулан? – спрашивает один.
Вейн поднимает руку. Не касается меня, пока я почти незаметно не киваю.
Тогда его палец ложится поперёк моих губ.
Кожа прохладная. Пахнет дымом и металлом.
– Там крысы, – отвечает второй стражник. – Огромные.
– В прошлом месяце одну видели с архивной печатью в зубах.
Шаги удаляются.
Мы остаёмся неподвижными ещё несколько ударов сердца.
Вейн смотрит на свой палец у моего рта, будто только сейчас понял, куда его положил.
Я могла бы отвернуться.
Вместо этого говорю прямо в его кожу:
– Крыса с печатью. У меня появилась конкурентка.
Он убирает руку.
– Она осторожнее.
– Зато я лучше одета.
Я снимаю плащ и протягиваю ему.
На внутренней стороне вышито имя: ВЕЙН АРДЕН. Под ним три маленьких стежка – неровных, детских.
– Кто вышивал?
Вейн забирает плащ слишком быстро.
– Брат.
Связь приносит вспышку боли. Старой, привычной и такой личной, что мне становится стыдно за вопрос.
– Он жив?
– Нет.
Правда.
– Мне жаль.
– Не нужно.
– Это не милость. Просто факт.
Он застёгивает плащ на горле и смотрит на меня дольше обычного.
– Тогда спасибо.
Два тихих слова делают его опаснее серебряной цепи.
Мы поднимаемся в старую комнату переплётчиков над архивной кухней. Здесь одна дверь, два узких окна и стол, покрытый порезами. В углу стоит медный таз. На полке – кружка с отколотой ручкой.
Я задерживаю на ней взгляд.
Такая же была у надзирателя в Пепельных копиях. Он стучал ею по столу, считая детей после обвала. Один удар – один выживший. Пауза – тот, кого уже не станут искать.
Вейн замечает и убирает кружку в шкаф.
Ничего не спрашивает.
Это простое движение задевает сильнее, чем должно.

– Сядь.

– Я предпочитаю стоять.

– Тогда падай стоя. Связь вытягивает тепло.

Я хочу ответить, но колени слабеют. Приходится сесть на край стола и сделать вид, что так было задумано.

Вейн снимает перчатки.

Длинные пальцы. Шрамы на костяшках. Чёрная половина звезды на запястье пульсирует в такт моей.

– Руку.

– Зачем?

– Осмотреть ожог.

– Вы уже осматривали в хранилище.

– Я держал тебя, пока печать пыталась убить писаря. Это не осмотр.

– Для инквизитора звучит почти романтично.

– Я способен хуже.

– Не сомневаюсь.

Он ждёт.

Не приказывает. Не забирает руку сам.

Именно это заставляет меня протянуть её.

В копиях никто не ждал согласия. Тело принадлежало тому, у кого ключ.

Вейн берёт меня за пальцы и медленно закатывает рукав.

Шрам идёт от запястья к локтю – широкий, неровный. Под кожей темнеют металлические жилки. Сегодня их стало больше. На сгибе блестит масло.

Его лицо становится слишком спокойным.

– Что?

– Металл проснулся.

– Это я почувствовала.

– Он растёт вдоль нервов.

– Насколько плохо?

– Достаточно.

– Наконец-то медицинский термин, который понимаю.

Вейн открывает шкаф, достаёт мазь и чистую ткань. Запах мяты смешивается с хвоей его плаща.

– Будет больно.

– Предупреждение или надежда?

– Сира.

Моё имя в его голосе звучит мягче, чем должно.

Он наносит мазь на край шрама.

Боль вспыхивает. Вместе с ней через связь приходит его ощущение – не такое сильное, но настоящее. Вейн напрягается, будто может удержать часть боли в себе.

– Вы чувствуете то же?

– Не полностью.

– Жаль.

– Ты хотела бы причинить мне боль?

– В данный момент список длинный.

– Я на первом месте?

– Не обольщайтесь. Там ещё ночной служитель, который храпит как умирающий бык.

Уголок его рта поднимается.

Настоящая улыбка длится меньше секунды, но лицо меняется. Становится моложе. Теплее.

И значительно привлекательнее.

Нечестный приём.

– Я видел такой узор однажды, – говорит Вейн.

– Где?

– В копиях.

– На ком?

Его пальцы замирают на внутренней стороне моего запястья, где кожа тонкая, а пульс слишком быстрый.

– На ребёнке.

– На мне?

Он молчит.

Молчание не считается ложью. Удобная привычка для человека его профессии.

– Вы сказали, что видели меня в огне.

– Да.

– Ирма была рядом?

– Да.

Правда.

Сердце ускоряется. Связь подхватывает ритм, и пульс Вейна тоже становится быстрее.

– Что произошло у заслонки?

Он опускает мой рукав, но не сразу отпускает пальцы.

– Не здесь.

– Вы опять решаете, какую правду я выдержу.

– Я решаю, где её безопасно произнести.

– Удобная разница.

– Согласен.

Он не защищается. Это лишает меня половины приготовленной ярости.

– Вы закрыли заслонку? – спрашиваю я.

Его ладонь становится холоднее.

Цилиндр на столе щёлкает.

Крышка открывается сама.

Внутри нет свитка. Только тонкая стеклянная пластина, покрытая пеплом. На ней медленно проступает женское лицо.

Мои глаза.

Мои скулы.

Мой рот – только старше и худее.

Я перестаю чувствовать руку Вейна.

– Сира, – говорит женщина из стекла.

Мир сужается до её голоса.

– Ирма?

Она улыбается так, как улыбалась перед тем, как украсть мою порцию яблока.

– Ты всё-таки научилась открывать двери.

Из меня вырывается короткий смех. Почти всхлип.

– Где ты?

– Везде, где город делает вдох.

– Я вытащу тебя.

– Нет.

Слово звучит жёстко.

– Ты не понимаешь.
– Тогда объясни.
Ирма поднимает ладонь. На запястье полная пятиконечная звезда.
– Таррен уже считает тебя возвращённой. А его – ключом.
Её взгляд переходит к Вейну.
Улыбка исчезает.
– Не доверяй человеку, который закрыл заслонку.
Я медленно поворачиваюсь к нему.
Вейн не отводит глаз.
– Что вы закрыли?
За дверью раздаётся крик.
Потом второй.
Кто-то начинает ломиться в комнату.
Вейн отпускает мою руку и вытаскивает клинок.
Потеря прикосновения ощущается слишком резко. Я ненавижу связь за то, что отсутствие этого мужчины уже стало физической пустотой.
– Кто там? – спрашиваю я.
По дереву проходит удар.
С другой стороны отвечают стуком.
Раз.
Два.
Пауза.
Четыре.
Вейн бледнеет.
– Бездыханные.
– Знакомый ритм?
– Мой брат стучал так в детстве.
Ирма смотрит на него из стекла.
– Он всегда знает правильные слова, – говорит она. – А потом закрывает дверь.
Пластина гаснет.
Вейн встаёт между мной и входом.
Не передо мной – чуть сбоку, оставляя место для моего ножа.
– Обсудим заслонку, если переживём ближайшие пять минут.
– Ненавижу ваши планы.
– У нас пока нет плана.
Дверь трещит.
Я становлюсь рядом.
– Тогда ненавижу ещё сильнее.

Глава 4. Бездыханные

Сира

Мы не успеваем понять, почему Ирма заговорила голосом системы и что именно Вейн закрыл десять лет назад.

Сначала гаснут лампы.

Потом в стенах начинается стук.

Тук. Тук. Тук.

Не трубы. Слишком ровно. Трубы в архиве капризничают, кашляют, скрипят и временами издают звуки, за которые нормальному зданию было бы стыдно. Этот ритм не случайный.

Он считает.

Вейн встаёт между мной и дверью. Клинок оказывается в его руке без видимого движения.

– За мной.

– Я не умею прятаться за инквизиторами.

– Сегодня научишься.

– Не люблю учителей с ножами.

– Я заметил.

Дверь выгибается внутрь.

По дереву с другой стороны скребут ногти. Много рук. Ни одного вдоха.

Элиан прижимается спиной к стене. Меч снова дрожит, но на этот раз он не роняет его.

Уже достижение.

– Кто там? – шепчет он.

– Люди, которых Таррен забыл убить, – отвечает Вейн.

– Отлично, – говорю я. – А нормальные ответы у вас бывают?

– Редко.

Дверь ломается.

Первым входит архивист из нижнего зала. Утром он жаловался мне на холодный чай и требовал, чтобы я переставила каталог по алфавиту. Теперь кожа у него белая, губы стянуты серой нитью, грудь неподвижна. Из глаз сыплется пепел.

– Господин Рем, – выдыхает Элиан.

Архивист поворачивает голову на звук.

Вейн выбивает железный якорь у основания шеи.

Архивист падает, но пальцы ещё несколько секунд скребут по полу, будто тело не сразу понимает, что бой закончен.

Я смотрю на него.

– Это было бы смешно, если бы не было ужасно.

– Сердцевина, – говорит Вейн. – У каждого в груди железный якорь.

Второй бездыханный бросается на меня.

Он пахнет мокрой шерстью, печной гарью и чем-то сладким. Я ухожу в сторону, цепляюсь бедром за стол, режу ткань на груди переплётным ножом и вижу под рёбрами чёрную пластину.

Вейн пробивает её клинком.

Тело складывается у моих ног.

– Благодарю, – говорю я.

– Не привыкай.

– Все хорошие фразы вы используете дважды?

– Только с теми, кто плохо слушает.

Ещё трое лезут в комнату. За ними я вижу десятки белых лиц в коридоре.

Наша маленькая тайная беседа явно закончена.

В коридоре бездыханные идут не толпой.

Они движутся парами, обходят обломки и не мешают друг другу. Кто-то руководит ими. Не просто зовёт через трубы – видит зал нашими глазами и переставляет тела, как фигуры на доске.

– Они учатся, – говорит Элиан.

– Нет, – отвечает Вейн. – Их ведут.

– Куда?

Первый бездыханный бьёт плечом в перевёрнутый стол. Второй опускается на колени и просовывает руку под край, нащупывая ножку. Они собираются поднять преграду вместе.

– Сюда, – говорю я.

Очень лестно.

Я хватаю с полки банку переплётного клея и швыряю в дверной проём. Стекло разбивается. Густая тёмная масса растекается по полу.

Бездыханная женщина ступает первой. Подошва прилипает. Следующий толкает её в спину, третий наступает на обоих. Через секунду в проходе образуется крайне дисциплинированная куча мёртвых служащих.

– Архивные средства защиты, – говорю я.

– Клей? – Элиан выглядит оскорблённым как представитель профессии.

– Очень дорогой клей.

Вейн уже вытаскивает из стены бронзовый штырь.

– Зачем?

– Водосток держится на трёх таких.

– Вы собираетесь спускаться по трубе, которую только что разобрали?

– Нет. Возьму соседнюю.

– Успокоили.

Стол поднимается. Склеенные тела не чувствуют боли и просто оставляют на полу куски кожи.

Я перестаю шутить.

Вейн открывает окно. В комнату врывается дождь. Он сначала проверяет карниз сапогом, потом поворачивается ко мне.

– Цилиндр.

– Нет.

– На карнизе тебе понадобятся обе руки.

– А вам – повод исчезнуть с ним.

– Связь не позволит.

– Нить может оборваться.

– Тогда оба умрём.

– Удивительно слабая гарантия честности.

За спиной Элиан вскрикивает. Бездыханная рука хватает его за рукав через щель в столе.

Вейн бросается туда, а я сама засовываю цилиндр ему за пояс.

– Только попробуйте потерять.

– Очень трогательное доверие.

Он отрубает мёртвые пальцы, освобождая Элиана.

– Это не доверие. У вас просто пояс надёжнее моего плаща.

Вейн переворачивает стол набок, вгоняет бронзовый штырь под ручку двери и хватает цилиндр. Баррикада продержится недолго, зато бездыханным придётся сначала понять, что именно мешает.

– Окно, – говорит он.

– Третий этаж.

– Я заметил.

Элиан смотрит на дождь за стеклом и бледнеет.

– А я?

– Ты умеешь лазать? – спрашиваю я.

– Нет.

– Сегодня научишься.

Вейн бросает на меня короткий взгляд.

– Плохое влияние.

– Стараюсь.

Он выбивает раму плечом.

Снаружи узкий карниз и железная водосточная труба. Внизу двор, по которому уже движутся белые фигуры. Дождь начался незаметно, камень блестит.

– Я первая, – говорю я.

– Нет.

– Я легче.

– Именно поэтому тебя унесёт ветром.

– Вейн.

– Сира.

За спиной ломается стол.

Спор закончен.

Вейн выходит на карниз, прижимаясь спиной к стене, и протягивает руку. Я ставлю ногу на мокрый камень. Подошва скользит.

Его пальцы смыкаются на моей талии.

– Не смотри вниз.

– Я не боюсь высоты.

– Ты боишься доверять вес.

– А вы любите говорить очевидное.

– Это экономит время.

Элиан выбирается следом и тихо молится всем богам, в которых, по его же словам, не верит.

Мы движемся боком. Ветер тянет плащ, дождь хлещет по лицу. Под нами бездыханная женщина поднимает голову и открывает зашитый рот. Нити лопаются одна за другой.

Из горла вырывается голос Ирмы.

– Сира.

Я замираю.

– Не слушай, – резко говорит Вейн.

– Это она.

– Нет.

– Ты не можешь знать.

– Могу.

Пятиконечный след не реагирует. Правда.

Женщина внизу продолжает голосом сестры:

– Он закрыл дверь. Он оставил меня.

Моя нога соскальзывает.

Мир дёргается вниз.

Вейн ловит меня обеими руками. На секунду я вишу над двором, прижатая к его груди, а цилиндр между нами раскаляется так, что прожигает плащ.

– Смотри на меня, – говорит он.

– Любите эту фразу.

– Она работает.

Я поднимаю глаза.

В его взгляде страх. Не за себя.

Мне не нужна чужая тревога, чтобы чувствовать собственную ценность. Но я замечаю: Вейн смотрит не на носительницу, не на ключ и не на архивное доказательство. На меня. На женщину, которая может сорваться вниз. Это ещё не забота, которой стоит доверять, и точно не любовь. Только первая трещина в образе человека, способного видеть во всех одни функции.

– Ты слышал её раньше.

– Да.

– Сколько лет?

– Десять.

Он втягивает меня обратно на карниз. Я оказываюсь верхом на его бедре, руки у него на плечах. Очень удобная поза, чтобы обсуждать мёртвую сестру и возможное предательство.

Внизу десятки ртов повторяют моё имя.

– Отпустите.

– Ты упадёшь.

– Это будет мой выбор.

Вейн смотрит секунду. Потом разжимает руки.

Я не падаю. Прижимаюсь к стене сама.

Что-то меняется в его лице. Будто он ожидал, что я потребую свободу, но не думал, что сумею удержаться.

Мы добираемся до соседнего окна. Вейн разбивает стекло и пропускает меня первой.

В комнате темно. Здесь хранят старые карты шахт. Пахнет плесенью, кожей и дешёвой мятой – кто-то спрятал в ящике леденцы.

На полу нас ждёт Элиан.

Я моргаю.

– Как ты оказался раньше?

Он показывает на узкое окно с другой стороны.

– Я выбрал путь, где не нужно висеть над смертью.

– Умный.

– Я думал, вы меня бросили.

– Я тоже.

Вейн запирает окно и смотрит на цилиндр.

На его воротнике шевелится серое пятно.

Та самая моль, которую я приняла за мёртвую, перебирается на цилиндр и расправляет крылья. На них проступают тонкие медные прожилки.

– Она живая, – говорит Элиан.

– Наблюдательный контур, – отвечает Вейн. – Таррен использует насекомых как глаза. Медные жилки связывают их с ближайшим узлом. Пока узел далеко, моль будет тянуться к сильнейшему резонансу.

– То есть к цилиндру?

– Или к твоей руке.

Моль наклоняет голову и деловито чистит усик.

– Выглядит виноватой, – замечаю я.

– Это шпион.

– Тогда назовём её Госпожа Пыль.

– Не называй шпионов.

– Поздно. Госпожа Пыль, покажите дорогу.

Моль дважды стучит лапкой по сургучу.

Элиан медленно переводит взгляд на Вейна.

– Она полезнее некоторых инквизиторов.

– Писарь.

– Молчу.

На сургуче проступил знак: чёрный пёс с тремя закрытыми глазами.

Молчальник знает, что мы идём.

А хуже всего – он знает, кого из нас звать голосом Ирмы.

Глава 5. Пятьдесят шагов

Сира

К рассвету Внутренний Круг объявляет Вейна изменником.

Мы слышим приказ через переговорную трубу в комнате карт. Голос верховного инквизитора ровно перечисляет преступления: нарушение кровной печати, освобождение подозреваемой, уничтожение архивного имущества, убийство служащих.

О бездыханных – ни слова.

Обидно даже за них. Люди старались, ломали двери, теряли головы, а в официальную версию не попали.

– Они уже переписали нападение, – говорит Элиан. – К утру окажется, что вы сами убили архивистов.

– К полудню добавят непристойное поведение, – отвечает Вейн.

Я вспоминаю его тело поверх моего на полу.

Связь тут же отправляет ему вспышку жара.

Вейн поворачивает голову.

– Что?

– Ничего.

Боль вливается под ребро.

Он приподнимает бровь.

– Проклятая магия, – говорю я.

– Разумеется.

Элиан переводит взгляд с меня на него и обратно.

– Я что-то пропустил?

– Да, – отвечаем одновременно.

– И я не хочу знать?

– Очень, – говорит Вейн.

– Совсем, – добавляю я.

Цилиндр лежит на разложенной карте. Чтобы открыть его, нужно совместить две половины звезды на наших запястьях.

Я смотрю на его руку.

Вейн замечает.

– Можно через ткань.

– Не можете читать мысли.

– Нет. Но ты смотришь на мои пальцы так, будто они виноваты отдельно от меня.

– Возможно, так и есть.

Элиан хватается фонарь.

– Я проверю коридор.

– Не уходи дальше двадцати шагов, – говорю я.

– Связь у вас, не у меня.

– Именно поэтому. Если нас схватит приступ, придётся кому-то тащить обоих.

– Я худой.

– Зато жалуешься громко. Нас найдут быстрее.

Он уходит, бормоча о неблагодарных преступниках.

Вейн снимает цепь инквизитора и кладёт на стол. Без неё он выглядит менее официально и гораздо опаснее. Верхние пуговицы мундира расстёгнуты. На шее виден тонкий шрам.

– Откуда он? – спрашиваю я.

– Ирма.

Слово падает между нами.

– Что она сделала?

– Пыталась убить меня куском печной решётки.

– Почему не получилось?

– Ей было двенадцать.

– Мне тоже было двенадцать.

– Ты была без сознания.

Это звучит не как оправдание. Как факт, который он повторял слишком много раз.

Вейн протягивает руку ладонью вверх.

– Сира. Мы можем тратить время на ненависть после того, как откроем маршрут.

– Я умею делать два дела одновременно.

Но кладу ладонь в его.

Метки совпадают.

Металл под цилиндром оживает. По столу расходятся чёрные линии, складываясь в карту нижних уровней. Одновременно связь открывается шире.

И я чувствую Вейна.

Сначала это похоже на вторжение.

Чужое сердце бьётся рядом с моим, чуть медленнее. Чужая боль сидит под левым лёгким старым зазубренным осколком. Я чувствую холод металлической цепи на его шее, хотя она лежит на столе, и тяжесть воспоминания, которое он держит за закрытой дверью.

Потом связь идёт глубже.

Туда, где нет слов.

Вейн боится открытого огня. Не самого жара – момента, когда пламя находит воздух и становится сильнее. В архиве он следил за лампами, выбирал места подальше от камина, всегда знал, где вода. Ни разу не позволил страху отразиться на лице.

Я вижу это теперь и не могу развидеть.

Он, в свою очередь, находит мою привычку считать выходы. В каждой комнате я замечаю дверь, окно, слабую стену. Даже во сне лежу лицом к проходу. При виде закрытого ошейника вокруг чьей-то шеи у меня начинают болеть зубы.

Мы отдёргиваем ладони одновременно.

Но карта гаснет.

– Нужно держать дольше, – говорит Вейн.

– Нет.

– Иначе не увидим полный маршрут.

– Я видела достаточно.

– Страх огня?

Я понимаю, что он почувствовал.

– Вы видели мои выходы.

– Да.

– Никому не рассказывайте.

– Кому? Коллегам, которые собираются меня казнить?

– У вас наверняка есть круг общения помимо палачей.

– Очень небольшой.

В его голосе нет жалости к себе. Только факт. Почему-то именно это заставляет снова протянуть руку.

– На этот раз не лезьте дальше необходимого.

– Связь не спрашивает разрешения.

– Тогда научим.

Я кладу ладонь на его. Не сцепляю пальцы. Просто касаюсь.

Метки совпадают.

Карта возвращается.

Мы оба держим в голове одну мысль: только маршрут.

Связь сопротивляется. Подсовывает запах кожи Вейна после дождя, тепло моей ладони, память о его бедре между моих ног на полу хранилища. Слишком телесное. Слишком легко.

Я сжимаю зубы и думаю о шахте.

Вейн думает о цифрах на карте.

Линии становятся яснее.

– Получается, – шепчу я.

– Да.

По столу проступает восточный тоннель, зал пересмены, северный контур. В центре – белое пятно без обозначения.

Сердцевина.

Вокруг него три символа: лёгкое, пламя, ключ.

Мой шрам отзывается на пламя.

Сердце Вейна – на ключ.

Лёгкое остаётся пустым.

– Ирма, – говорю я.

В тот же момент связь подхватывает мой страх потерять её снова. Он ударяет в Вейна. В ответ приходит его решимость – холодная, почти жестокая. Он готов войти в сердцевину, даже если не выйдет.

– Не смейте, – говорю я.

– Что?

– Уже решили умереть полезно.

Его пальцы напрягаются под моими.

– Я оценил вероятность.

– Это и есть ваше красивое слово для решения.

– Ты тоже готова сгореть ради сестры.

Связь обжигает меня: правда.

– Это другое.

– Почему?

– Она моя семья.

– А город?

– Не просил меня спасать.

– Большинство людей редко успевает попросить до катастрофы.

Мы спорим, не отнимая рук. Карта дрожит от эмоций. Линии пульсируют, будто слушают.

– Таррен питается выбором одного за всех, – говорит Вейн. – Смотри.

Каждый раз, когда он говорит «я сделаю», символ ключа становится ярче. Когда я думаю «отдам себя», вспыхивает пламя.

– Он хочет, чтобы мы заранее приняли роли.

– Значит, не примем.

– Как?

– Будем раздражать систему неопределённостью.

Вейн смотрит на меня.

– В этом у тебя талант.

– Наконец признание моих профессиональных качеств.

Мы пробуем изменить мысль.

Не «я спасу».

«Мы найдём».

Символы меркнут.

Карта открывает дополнительный маршрут – тонкую линию через насосную станцию.

– Добровольный контур, – говорит Вейн. – Старый проект. Его закрыли до запуска.

– Почему?

– Люди должны были отдавать дыхание по согласию. Система не могла гарантировать постоянную мощность.

– То есть отказались, потому что люди непредсказуемы.

– Да.

– Мне уже нравится.

Связь теплеет. Вейн тоже.

А затем связь проваливается глубже – в тело.

Старую боль в левом лёгком. Шрам на спине. Усталость, которую он держит так давно, что почти считает частью скелета.

И желание.

Тяжёлое. Сдерживаемое. Направленное на меня так ясно, что перехватывает дыхание.

Вейн чувствует мою реакцию. Его пальцы напрягаются.

Связь могла бы стать удобным оправданием: будто это она заставляет меня замечать его рот, тепло ладони и то, как контроль срывается, когда я подхожу ближе. Но желание началось раньше печати. В тот миг, когда он отпустил Элиана. Когда спросил разрешение. Когда позволил мне удержаться на карнизе самой. Магия не создаёт его – только отнимает возможность солгать себе.

И это пугает сильнее вторжения. Я хочу не просто тело опасного мужчины. Хочу, чтобы он снова посмотрел на меня как на человека, чьё решение имеет вес.

– Это связь, – говорю я.

– Возможно.

На запястье тихо. Он действительно не уверен.

От этого становится только хуже.

Карта вспыхивает. Цилиндр раскрывается.

Внутри не маршрут конвоя. Тонкая пластина из дымчатого стекла. На ней движется силуэт женщины.

Ирма.

Старше, чем в моих воспоминаниях. Волосы коротко обрезают, кожа почти белая. Она поворачивается к нам, хотя не может видеть.

– Сира, – говорит пластина. – Не доверяй человеку, который закрыл заслонку.

Вейн не отдёргивает руку.

Я тоже.

– Спроси её, где сердцевина, – говорит он.

– Ты слышал обвинение?

– Каждый день десять лет.

Ирма поднимает ладонь к стеклу. На её запястье полная пятиконечная звезда.

– Он связан с Тарреном, – продолжает она. – Его сердце – ключ. Твоё – топливо.

Карта меняется. Появляется путь под архив, затем через старые шахтные тоннели к центру города.

– Если пойдёте вместе, один из вас вернётся. Другой станет дыханием.

– Ирма, – говорю я. – Кто закрыл заслонку?

Она смотрит прямо на Вейна.

– Он.

– Почему?

Стекло трескается.

– Ирма!

– Не позволяй ему выбрать за тебя.

Пластина темнеет.

Я отнимаю руку. Воздух между нами холодеет.

– Пятьдесят шагов, – говорю я. – И ни одним ближе, чем нужно.

Вейн смотрит на наши метки.

– Ты сама не веришь, что получится.

– Попробуйте нарушить правило.

– Что сделаешь?

– Найду способ пережить вашу смерть.

Он наклоняется. Не касается, но между нами остаётся несколько дюймов.

– А я, Сира, найду способ пережить твою.

Пятиконечные следы вспыхивают болью.

Ложь.

Мы оба отшатываемся.

Элиан возвращается и видит наши лица.

– Плохие новости?

– У нас есть маршрут, – отвечаю я.

– Это хорошие.

– Маршрут хочет одного из нас убить.

Он вздыхает.

– А вот теперь узнаю нашу компанию.

Глава 6. Разрешение

Сира

Под архивом есть комната, которой нет ни на одной карте.

Вейн открывает её, прижав большой палец к пустой стене. Камень узнаёт кровь инквизитора и отступает с тихим вздохом.

За ним – узкое помещение с железной койкой, шкафом лекарств и вентиляционной трубой, уходящей вниз.

Комнату явно строили для одного человека, который не любит гостей и считает комфорт слабостью.

На стене один крючок. На полке одна тарелка. Под койкой одна пара запасных сапог, начищенных до блеска. Даже пыль лежит аккуратно, узкой полосой вдоль плинтуса.

– Вы здесь жили? – спрашиваю я.

– Иногда.

– Добровольно?

– Относительно.

Я открываю шкаф. Внутри лекарства, бинты, запасная рубашка и банка мятных леденцов.

– Инквизиторские тайны становятся всё страшнее.

Вейн забирает банку и ставит на верхнюю полку.

– Они лечебные.

– Конечно. Особенно если съесть все.

Элиан уже тянется.

– Писарь.

– Я только проверял срок хранения.

– Глазами.

– У глаз ограниченные методы.

Вейн разговаривает с нами так, будто вокруг него постоянно толпятся непослушные дети. Возможно, это и есть профессиональная деформация старшего инквизитора.

Пока Элиан устраивается у двери, я осматриваю вентиляционную трубу. На металле множество царапин. Не случайных – короткие группы ударов.

Раз, два, пауза, четыре.

– Здесь кто-то отвечал из шахты.

Вейн подходит. Его плечо почти касается моего.

– Томас.

– Ваш брат?

– После пожара я слышал этот ритм три ночи. Думал, он жив.

– А потом?

– Нашёл запись о смерти за год до пожара.

– Значит, стучал не он.

– Или не только он.

Он проводит пальцем по царапинам. На коже остаётся ржавая пыль.

Я хочу спросить, сколько ночей он сидел здесь, отвечая мёртвому брату. Не спрашиваю. Вейн рассказывает правду маленькими порциями, как лекарство с опасной дозировкой.

Вместо этого снимаю мокрый плащ. Рубашка под ним прилипла к спине после дождя. В комнате тепло от труб, и кожа сразу покрывается мурашками.

Связь передаёт внимание Вейна.

Он отворачивается.

– Очень благородно, – говорю я.

- Практично.
- Почему?
- Пока смотрю в стену, меньше вероятность нарушить твои правила.
- Я ещё не успела сформулировать правила, но тело уже согласно, что они нужны.
- Первое: никаких прикосновений без предупреждения.
- Принято.
- Второе: не использовать связь, чтобы давить.
- Я не умею ею управлять.
- Тогда научитесь не наслаждаться слишком громко.
- Вейн медленно поворачивает голову.
- Это требование невозможно выполнить технически.

Элиан за дверью кашляет так выразительно, что можно подумать, он подавился целым сухарём.

- Третье, – продолжаю я, – никаких решений за меня.

- Не могу обещать.

Я замираю.

Он смотрит прямо.

- В бою бывают секунды. Если на тебя падает камень, я не стану спрашивать, хочешь ли ты отойти.

- Тогда различайте спасение тела и выбор жизни.

- Как?

- Если можно спросить – спрашивайте. Если нельзя – объясняйте после. Не называйте приказ единственным вариантом.

Вейн обдумывает. Не отмахивается.

- Согласен.

Шрам не отзывается.

- А ваши правила?

- Не лги о состоянии связи. Не скрывай ранения. Не уходи дальше предела, чтобы доказать, что можешь.

- Последнее очень конкретное.

- Я быстро учусь.

Он снимает мундир, и я вижу кровь на боку.

- Вы только что нарушили собственное правило.

- Мы установили его секунду назад.

- Удобно.

- Привыкай.

- Никогда.

Метка жалит обоих.

Элиан за дверью тихо смеётся.

- Писарь, – говорим мы одновременно.

- Я охраняю проход.

- От чего? – спрашиваю.

- От неловкости. Она пытается выйти.

Вейн бросает ему леденец. Тот ловит и наконец замолкает.

Я подхожу к ране.

Теперь правила придётся проверить.

Элиан закрывает за нами проход. На лестнице слышны сапоги. Внутренний Круг ищет нас этажом выше.

– До старых шахт отсюда один спуск, – говорит Вейн. – Цилиндр открыл его только наполовину. Нужно дождаться, пока метки стабилизируются.

– Сколько?

– Несколько часов.

Элиан осматривает койку.

– Одна.

– Ты будешь у двери, – говорит Вейн.

– А вы?

– Не твоё дело.

– Разумеется. Я всего лишь человек, который согласился стать государственным преступником до завтрака.

Я бросаю ему свёрток с сухарями из шкафа.

– Ешь и жалуйся тише.

Он садится у прохода, демонстративно поворачиваясь к нам спиной. Через секунду слышится хруст.

– Сядьте.

– Приказываешь инквизитору?

– Изменнику.

Он садится на край койки. Я нахожу ножницы, разрезаю рубашку по шву и открываю рану под рёбрами. Края почернели. Бездыханный успел коснуться его железным якорем.

– Это заразно?

– Нет. Но пепел прорастает к лёгкому.

– И вы молчали.

– Мы были заняты карнизом.

– Очень уважительная причина умереть.

Я смачиваю ткань спиртом.

– Будет больно.

– Это предупреждение или надежда?

Я узнаю собственные слова и невольно улыбаюсь. Вейн тоже.

На секунду он выглядит моложе. Почти обычным мужчиной, которого просто неудачно порезали, а не инквизитором, закрывавшим заслонки над детскими головами.

Я прижимаю ткань к ране.

Связь открывается от боли.

Жар проходит через меня. Перед глазами вспыхивает чужое воспоминание: мальчик лет пятнадцати сидит у печи и держит на коленях деревянного волка. Рядом высокий мужчина в форме инквизитора говорит, что порядок спасает тех, кто слишком слаб выбирать.

– Ваш брат? – спрашиваю я.

Вейн напрягается.

– Ты увидела?

– Мальчика.

– Томас. Он умер в копиях.

– В ночь пожара?

– Раньше.

– Поэтому вы вступили в Инквизицию.

– Поэтому я поверил, что система не должна ошибаться.

Он говорит просто. Без красивой печали. От этого верится сильнее.

Я очищаю рану. Пепельные прожилки уходят глубже, чем могу достать.

– Нужно вытянуть их резонансом, – говорит он.

– Моей рукой?

- Да.
- Что произойдёт?
- Ты почувствуешь всё.
- А вы?
- Тебя.

Элиан очень громко хрустит сухарём у двери.

- Писарь, – говорит Вейн.
- Я ничего не слушаю.
- Хрусти тише.
- Сухарь старый.
- Я смотрю на Вейна.
- Спросите.
- Что?

– Разрешение. Если хотите прикоснуться к шраму.

Он понимает сразу. Лицо становится неподвижным.

– Можно мне взять твою руку, Сира?

Так просто.

В копиях меня держали трое взрослых, пока надзиратель надевал ошейник. Никто не спрашивал.

Я делаю вдох.

– Можно.

Вейн берёт мою ладонь и прижимает к своей ране.

Боль обжигает обоих.

Пепел идёт из его тела в мою металлическую руку. Я чувствую ребро, лёгкое, тяжёлый удар сердца. И одновременно – его осторожность. Он держит не крепче, чем нужно. Я могу отнять ладонь в любой момент.

Не отнимаю.

– Ближе, – говорит он.

– Куда?

– К краю раны.

Ядвигаю пальцы. Его дыхание сбивается.

Не только от боли.

Связь честная до неприличия.

– Это тоже пепел? – спрашиваю я.

– Нет.

– Тогда контролируйте себя.

– Я контролирую.

– Плохо.

– Ты всё ещё здесь.

Слова ложатся между нами, тяжёлые и горячие.

Пепельная нить выходит из раны и впивается в мой шрам. Я тяну. Металл внутри руки скрипит. Вейн накрывает моё запястье второй ладонью.

– Хватит.

– Ещё немного.

– Сира, хватит.

– Я решу.

Он тут же разжимает пальцы.

Не спорит.

Это позволяет мне остановиться самой. Именно так доверие и начинается – не с уверенности, что мужчина всегда поступит правильно, а с возможности сказать «хватит» и быть услышанной.

Нить рвётся. Я падаю на колени между его ног. Вейн ловит меня за плечи, но не прижимает.

– Можно? – спрашивает снова.

Я киваю.

Он подтягивает меня ближе, пока я не упираюсь лбом в его грудь. Сердце под ухом бьётся быстро. Удивительно живое для ключа.

– Спасибо, – говорит он.

– Не долг.

– Я знаю.

Вентиляционная труба над нами вздыхает.

Из неё доносится голос Ирмы:

– Он всегда знает правильные слова.

Я отстраняюсь.

Вейн уже снова выглядит как инквизитор.

– А потом закрывает дверь, – заканчивает сестра.

Глава 7. Подпись

Сира

Спуск начинается за железным шкафом.

Лестница уходит вниз так круто, что приходится держаться обеими руками. Вейн идёт первым. Я – следом, потому что связь не позволяет увеличить расстояние. Элиан замыкает шествие и время от времени бормочет, что нормальные преступники пользуются дверями.

– Нормальные преступники быстро становятся заключёнными, – говорит Вейн.

– А ненормальные?

– Падают с лестниц.

Элиан замолкает и начинает держаться крепче.

На третьем пролёте я замечаю выцарапанные на стене инициалы.

В. А.

Буквы старые, края сглажены пальцами и временем.

– Ваши?

Вейн не оборачивается.

– Да.

– Давно оставили?

– Десять лет назад.

Запястье спокойно. Правда.

– Вы знали этот путь.

– Я знал часть.

– И всё равно позволили мне украсть цилиндр.

Он останавливается. Я почти врезаюсь в его спину.

– Я оставил цилиндр там, где ты могла его найти.

Злость приходит мгновенно. Очень удобно: она согревает лучше любой лампы.

– Это была ловушка.

– Приманка.

– Есть разница?

– В ловушке дверь закрывается. Я собирался открыть.

– За мной следили?

– Три года.

Элиан сверху тихо ругается.

Я сжимаю перекладину так сильно, что ржавчина впивается в ладонь.

– Три года?

– Ты меняла комнаты, работу и имя в документах. Я проверял, не нашёл ли тебя Таррен.

– Как заботливо.

– Не только.

– Конечно. Вы использовали Ирму, чтобы вытащить меня.

– Я искал носительницу, способную открыть систему.

– Меня.

– Да.

– Почему не пришли и не попросили?

Вейн поворачивается. На лестнице наши лица оказываются почти на одном уровне.

– Ты бы согласилась?

– Нет.

– Вот поэтому.

Связь не наказывает. Он говорит правду и этим бесит сильнее.

– Я должна сбросить вас вниз.

– Мы оба задохнёмся до того, как я долечу.

– Стоит проверить.

Я отпускаю одну руку. Вейн не двигается, но в его глазах появляется вызов.

Элиан кашляет.

– Может, позже? Когда под нами будет не шахта глубиной в сто футов?

Я продолжаю спуск.

Внизу лестница выходит в круглый зал. По стенам идут трубы. На полу слой серого пепла, в котором отпечатаны детские следы. Они ведут к столу с реестрами.

С потолка свисают цепи с маленькими металлическими бирками. Они звенят от движения воздуха, и каждая отзывается отдельным голосом.

Не словами. Вздохом. Кашлем. Иногда коротким смехом.

Я задеваю одну плечом и слышу девочку, которая просит ещё минуту поспать.

– Не трогай, – говорит Вейн.

– Я не собиралась.

– Они цепляются за внимание.

– Как все архивные документы.

Элиан тянется к ближайшей бирке, но под моим взглядом убирает руку.

– Я только хотел прочитать номер.

– Глазами, – напоминает Вейн.

– У глаз ограниченные методы, – отвечает Элиан его же фразой.

Я начинаю понимать, почему старшие инквизиторы предпочитают работать с молчаливыми преступниками.

На полу видны следы сапог. Старые и новые. Последние оставлены несколько часов назад.

– Кто-то прошёл до нас, – говорю я.

Вейн приседает, касается пепла двумя пальцами.

– Четверо. Один тяжёлый, двое в форме, ребёнок.

– По следам определяете?

– По ритму. Тяжёлый наступает через равные промежутки. Инквизиторы держат строй. Ребёнок сбивается.

– Или это очень низкий человек с плохим чувством строя.

– Возможно.

Следы ведут к реестрам, затем исчезают у стены. На камне нет двери, только выжженная звезда.

Вейн прикладывает ладонь. Знак не реагирует.

– Ему нужна полная печать, – говорит он.

– У нас две половины.

– На разных людях.

– Система уже считает нас одной единицей.

– Тогда попробуем.

Мы кладём ладони рядом. Камень становится тёплым, но дверь не открывается. Между пальцами пробегает ток.

Надпись появляется прямо под руками:

СОВМЕСТИМОСТЬ НЕДОСТАТОЧНА.

Элиан читает через плечо.

– Неловко.

– Писарь, найди другой выход, – говорит Вейн.

– Уже ухожу.

Он удаляется, слишком явно довольный.

- Что значит совместимость? – спрашиваю я.
- Общий ритм. Доверие. Телесная синхронизация.
- Последнее звучит подозрительно.
- Система строилась не для приличных людей.

Мы пробуем снова, сосредоточившись на дыхании. Камень теплеет сильнее, но надпись не меняется.

- Может, нужно коснуться не руками, – говорит Вейн.
- Нет.
- Я не предложил ничего конкретного.
- Именно поэтому ответ заранее.
- Он встаёт за моей спиной. Не касается.
- Можно положить ладони на плечи?

Я делаю вдох.

- Можно.

Его руки ложатся осторожно. Тепло проходит сквозь ткань. Я чувствую его дыхание у затылка, но он оставляет между телами несколько дюймов.

- Ближе, – требует дверь.
- Надпись действительно появляется на камне.
- Ненавижу её, – говорю я.
- Взаимно.
- Вы ненавидите дверь?
- Сейчас да.

Я отступаю на полшага, пока спина не касается его груди. Вейн резко втягивает воздух. Связь вспыхивает желанием, слишком сильным для случайного движения.

- Сосредоточьтесь.
- Пытаюсь.
- Плохо.
- Согласен.

Мы кладём руки на звезду. Сердца постепенно выравниваются.

Дверь начинает открываться.

За ней не тоннель, а маленькая комната наблюдения. На столе лежит свежая записка.

«Вирра вернулась. Ключ идёт рядом».

Чернила ещё влажные.

Кто-то наблюдает за нами прямо сейчас.

Вейн отпускает плечи, но тепло остаётся.

- Отец? – спрашиваю я.
- Возможно.
- Ирма?
- Возможно.
- Вы часто отвечаете одинаково.
- Потому что у нас слишком много врагов.
- Элиан возвращается с другой стороны стены.
- Нашёл проход.

Мы смотрим на него.

- Что?

– Обычная дверь за шкафом. Не пришлось обниматься с камнем.

Вейн закрывает глаза.

Я начинаю смеяться первой.

Я открываю первую книгу.

Имена зачёркнуты. Вместо них номера. Даты поступления. Вес. Состояние лёгких. Пригодность к резонансу.

Сухие строки. Будто речь о мешках угля.

На полях детским почерком написано: Я Лия. Я не номер.

Следующая страница вырвана.

Элиан закрывает рот ладонью.

На последней странице – маршрут конвоя.

Подпись: Вейн Арден.

Я разворачиваю книгу к нему.

– Объясните.

Он смотрит на запись.

– Моя.

– Вы подписали перевозку.

– Да.

– Ирма была в этом конвое.

– Да.

– И всё это время говорили, что хотите помочь.

– Я изменил конечный пункт.

– В книге стоит Центральная топка.

– В официальной копии. В этой – поддельный маршрут. Он должен был вывести детей к восточному тоннелю.

– Должен был?

Вейн молчит.

Молчание не считается ложью. Какая прекрасная магическая лазейка.

Я выхватываю его нож и приставляю к горлу. Элиан делает шаг, но Вейн поднимает ладонь, останавливая его.

Лезвие касается старого шрама.

– Закончите фразу.

– План провалился.

– Почему?

– Кто-то предупредил Молчальника.

– Вы?

– Нет.

Боли нет.

– Тогда кто?

– Не знаю.

Правда.

Вейн стоит неподвижно. Если нажму, кровь пойдёт по лезвию. Связь передаст мне боль, но не остановит руку.

– Убей меня сейчас, – говорит он, – и ты никогда не узнаешь, кто изменил маршрут.

– Вы всегда торгуетесь собственной полезностью?

– Только когда больше нечем.

На столе под книгой шевелится пепел.

Складывается в буквы.

ОН ЗАКРЫЛ ЗАСЛОНКУ.

Голос Ирмы идёт из труб.

– Сира. Не позволяй ему коснуться сердцевины.

Вейн смотрит на стену.

– Ирма. Если слышишь, назови имя того, кто сменил маршрут.

Трубы стонут.

– Лжец.

– Назови имя.

– Убийца.

– Имя, Ирма.

Ответа нет.

Я убираю нож.

Не потому, что поверила. Потому что сестра могла обвинить его точнее – и не сделала.

– Одна ложь, – говорю я. – Одна попытка решить за меня – и я найду способ разорвать связь вместе с вашим сердцем.

– Справедливо.

– Нет. Справедливость давно сгорела.

Мы идём дальше.

На последней странице реестра чернила медленно проступают сквозь бумагу.

Новое имя.

СИРА. СОСТОЯНИЕ: ВОЗВРАЩАЕМАЯ.

Под ним появляется строка:

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ: ВЕЙН АРДЕН. СТАТУС: КЛЮЧ.

– Похоже, – говорит Элиан, – система тоже считает вас парой.

– Замолчи, – отвечаем мы одновременно.

Глава 8. Первый ребёнок

Сира

Тоннель выводит нас к залу с паровым молотом.

Он работает вхолостую, опуская тяжёлый боёк на наковальню в форме собачьей головы с тремя закрытыми глазами.

Тук.

Вдох.

Тук.

Выдох.

Каждый удар проходит через подошвы и добирается до зубов.

На краю котла стоит кружка с отколотой ручкой. Внутри догорает свеча.

Госпожа Пыль вылетает из складок плаща Вейна, облетает котёл и садится на третью железную пластину.

– Шпион выбрал нишу, – говорит Элиан.

– Или самое тёплое место, – отвечает Вейн.

Моль сердито хлопает крыльями и переползает к четвёртой.

– Она оскорбилась, – говорю я. – Придётся довериться.

– Твоя готовность доверять насекомому тревожит.

– Оно пока ни разу не отдало меня Инквизиции.

Вейн смотрит на моль.

– Сильный аргумент.

Я останавливаюсь.

Элиан едва не врежется мне в спину.

– Сира?

– Не трогай кружку.

– Я не собирался.

– Ты всё трогаешь.

– Я писарь. Это профессиональное.

Вейн смотрит на кружку, потом на меня.

– Надзиратель считал ею выживших, – говорю я. – После обвала. Один удар – один ребёнок.

– Я знаю.

– Конечно.

Вейн не оправдывается. Как всегда, выбирает способ, который раздражает сильнее.

Пепел вокруг котла собирается в следы. Маленькие, босые. Они ведут к стене, где четыре ниши закрыты железными пластинами.

Из первой доносится слабый скрежет.

Я прижимаю шрам к замку.

Вейн хватает меня за локоть.

– Стой. Контур связан с остальными. Откроешь одну – три потеряют воздух.

– Тогда откроем все.

– Для этого нужен полный ключ.

– Он у вас в груди, по словам Ирмы.

– Она любит говорить половину правды.

– Семейное.

Элиан обходит ниши и находит четыре рычага.

– Если тянуть одновременно...

– Тебе не хватит рук, – говорит Вейн.

– У нас шесть.

Он поднимает обе ладони.

Я невольно улыбаюсь.

– Первый разумный расчёт за день.

– Запишу в дневник, – отвечает Элиан.

Мы распределяемся. Элиан держит два рычага ремнём, я – один, Вейн – последний и цилиндр.

– На счёт «три», – говорю я.

– Нет тройки, – шепчет голос из ниши.

Мы замираем.

– Раз. Два. Четыре, – повторяет ребёнок.

В копиях так считали перед обвалом. Пропущенная доля означала: кто-то под землёй, но ещё жив.

Я помню, как Ирма стучала этим ритмом в стену. Раз, два, пауза, четыре. Не переставала, пока пальцы не сбила в кровь.

– По его счёту, – говорю я.

Вейн кивает.

Раз.

Мы напрягаемся.

Два.

Железо скрипит.

Пауза.

Четыре.

Рычаги уходят вниз. Три ниши остаются закрытыми, но первая распахивается без падения давления.

Ребёнок падает мне в руки.

Он не просто лёгкий.

Он почти не весит, будто большая часть тела уже стала воздухом. Под рубашкой выступают рёбра. На шее – следы трубок, старые и свежие. Пепел склеил ресницы.

Я опускаюсь на пол, устраивая его голову у себя на коленях.

– Вода, – говорю Элиану.

Он протягивает флягу.

– Не лей, – останавливает Вейн. – Пока дыхание системное, жидкость попадёт в лёгкие.

– Тогда что делать?

– Сначала вернуть самостоятельный вдох.

Молот продолжает бить. Каждый удар поднимает грудь мальчика. Если механизм остановится раньше, чем мы разорвём нить, сердце тоже остановится.

– Сколько времени?

– До следующей смены ритма. Минут десять.

– Почему ты всё знаешь?

Вопрос вырывается резче, чем хотелось.

Вейн не отводит взгляд от ребёнка.

– Потому что однажды уже не успел.

Он снимает перчатки. На ладонях множество тонких шрамов, словно металл резал их изнутри.

– Мне нужно коснуться его груди. И твоей руки.

– Делай.

Вейн смотрит на меня.

Я понимаю.

– Можно.

Он кладёт одну ладонь на мальчика, вторую поверх моей. Связь открывается на троих.

Холод ребёнка входит первым. Не температура – ощущение комнаты без окон, где никто не произносит твоё имя. Затем его страх. Он не помнит лиц, но помнит, что взрослые приходят перед болью.

Когда рука Вейна касается, мальчик внутри связи сжимается.

– Он боится тебя.

– Знаю.

– Отойди.

– Без ключа контур не откроется.

– Тогда покажи, что не причинишь вреда.

– Как?

– Не знаю. Ты специалист.

Вейн закрывает глаза. Через связь он намеренно открывает воспоминание.

Маленький Томас сидит у печи и плачет над сломанным волком. Юный Вейн чинит игрушку, перевязывая лапу ниткой. Руки у него уже тогда серьёзные, движения неловкие.

«Не говори отцу», – шепчет Томас.

«Не скажу».

«Обещаешь?»

«Нет. Но постараюсь».

Мальчик в моих руках реагирует. Пальцы дёргаются.

– Ещё, – говорю я.

Вейн показывает, как прятал брату мятные леденцы, как получил ложкой за варенье, как ночью считал чужие вдохи за стеной, чтобы Томас не боялся темноты.

Не геройские воспоминания. Обычные.

Именно поэтому работают.

Я смотрю на взрослого Вейна и впервые хочу прикоснуться к нему не из-за связи, боли или необходимости удержать равновесие. Хочется положить ладонь на затылок тому мальчику, который считал вдохи брата в темноте, и сказать, что он тоже имел право бояться. Желание утешить оказывается опаснее желания поцеловать: первое требует видеть человека целиком.

Страх ребёнка ослабевает.

– Теперь ты, – говорит Вейн.

Я не хочу открывать копи. Но Йенс – пока без имени – уже чувствует моё сопротивление.

Показываю Ирму.

Как она украла у надзирателя ключ и обнаружила, что он не подходит ни к одной двери. Как спрятала синий леденец за щекой и утверждала, что язык посинел от болезни. Как накрывала меня своим одеялом, а утром обвиняла в краже.

Ребёнок тянется к этому теплу.

Таррен замечает.

Молот ускоряется.

– Он пытается закрепить родство, – говорит Вейн. – Выбрать ему мать из твоей памяти.

– Не позволю.

– Нельзя просто закрыться. Мальчик снова останется пустым.

– Тогда дадим выбор.

Я наклоняюсь к его уху.

– Слышишь? Тебе не обязательно быть чьим-то ребёнком, чтобы иметь имя. Можешь выбрать сам.

Его губы шевелятся.

Сначала выходит только пепел.

Потом звук.

– Й...

Молот бьёт.

– Йенс.

Имя не моё и не Вейна. Возможно, украдено из старой памяти, но произнесено им самим.

Система дёргает нить, пытаясь переписать.

Вейн прижимает ладонь сильнее.

– Скажи ещё раз.

– Йенс.

Я повторяю:

– Йенс.

Элиан тоже.

Три разных голоса закрепляют имя лучше любой печати.

Мальчик делает первый собственный вдох.

Он короткий, хриплый и прекрасный.

Йенс открывает глаза. Чёрные, огромные – и впервые принадлежащие только ему.

– Вирра, – шепчет он.

– Сейчас меня зовут Сира.

Он переводит взгляд на Вейна. – Ты всё-таки вернулся.

Вейн бледнеет. Метка на его руке вспыхивает раньше, чем он успевает спрятать ответ.

– Ты знал его? – спрашиваю я.

– Видел раньше. В пятой нише.

– Кто привёл его сюда?

Йенс отвечает сам: – Ирма. Моя мать.

Молот делает лишний удар. Таррен принимает новое имя и тут же пытается вписать нас в освободившееся место.

Молот замолкает.

Тишина после него оказывается громче ударов. В ней слышно, как Йенс пытается дышать сам: коротко, неровно, словно лёгкие – новая обувь, которую ещё нужно разносить.

Я не отпускаю его. Мальчик сидит у меня на коленях, лёгкий до неправильности. Под серой рубашкой прощупываются рёбра. На шее – круглый след от трубки, на запястье – четвёрка, вдавленная так глубоко, будто номер наносили не на кожу, а сразу на память.

– Есть хочешь? – спрашивает Элиан.

Йенс смотрит на него настороженно.

– Это проверка?

– Нет. У меня есть сухари.

– Тогда проверка.

Элиан вытаскивает из сумки свёрток. В нём три сухаря, половина яблока и кусок сыра, который пережил слишком многое и теперь способен защищаться сам.

– Выбирай, – говорит он.

Йенс не двигается.

– Можно всё? – спрашивает через несколько секунд.

Элиан молча кладёт еду ему на колени.

Мальчик берёт сухарь, но не ест. Прячет в рукав. Потом сыр. Потом яблоко. Работает быстро, привычно, не сводя глаз с наших рук.

– Никто не заберёт, – говорю я.

– Всегда забирают.

– Тогда будешь кусаться.

Йенс серьёзно оценивает мои пальцы.

– Сильно?

– Желательно.

Вейн снимает флягу с пояса. Передаёт мне, а не мальчику. Хорошо. Йенс пока вздрагивает от каждого движения инквизитора.

Я даю ему воду маленькими глотками. После третьего он начинает кашлять, и изо рта вылетает комок серого пепла. Госпожа Пыль слетает с пластины, обходит его по кругу и устранивается на краю кружки.

– Она ест людей? – спрашивает Йенс.

– Только плохих инквизиторов, – отвечаю я.

Вейн бросает на меня взгляд.

– Поэтому такая маленькая?

Элиан давится смехом. Я тоже не удерживаюсь.

Йенс не улыбается, но плечи опускаются на полпальца.

Вейн подходит к котлу. В его стенке открылась узкая щель, которой раньше не было. За ней вращаются четыре медных диска. На каждом – имя, перечёркнутое номером.

– Таррен обновляет реестр, – говорит он. – Мы вывели одну единицу, и система пытается записать замену.

На первом диске проступает моё имя.

СИРА.

Буквы дрожат, сменяются на ВИРРА, затем на 0-7-4.

На втором – ВЕЙН АРДЕН.

На третьем – ЭЛИАН.

Четвёртый остаётся пустым.

Йенс смотрит на него и медленно вытаскивает сухарь из рукава.

– Он ждёт, – говорит мальчик.

– Кого? – спрашивает Элиан.

– Того, кто станет вместо меня.

Медный диск щёлкает. На нём появляется слово: ДОБРОВОЛЕЦ.

Вейн мгновенно закрывает щель ножами.

– Не произносите согласие рядом с механизмом.

– Я и не собиралась, – говорю я.

– Ты соглашаешься на опасные вещи быстрее, чем большинство людей здоровается.

– Зато вежливо.

– Нет.

Связь приносит его страх. Не за себя. За меня, Элиана, Йенса – всех сразу. Он держит чувство так крепко, что оно становится похоже на гнев.

Я аккуратно пересаживаю мальчика к Элиану и встаю.

– Вы знали, что система попросит замену?

– Предполагал.

– И промолчали.

– Если бы сказал, ты всё равно открыла бы нишу.

– Это не ответ.

– Это причина.

– Вы снова решили, какая правда мне нужна.

Метка на руке Вейна вспыхивает. Не ложь. Боль.

Он делает вдох.

– Хорошо. Я должен был сказать.

Признание звучит почти неестественно. Как если бы железная дверь вдруг извинилась за сквозняк.

– И?

– И в следующий раз скажу до того, как ты полезешь в механизм.

– Даже если считаете, что я поступлю глупо?

– Особенно тогда.

– Запомню.

– Связь тоже.

Его взгляд опускается на мою ладонь. Там, где мы вместе передавали дыхание Йенсу, кожа покраснела, а чёрные линии стали шире. Вейн протягивает руку, но не касается.

– Можно посмотреть?

Вопрос всё ещё удивляет.

Я киваю.

Он берёт моё запястье осторожно, будто железо под кожей делает меня хрупкой, а не опасной. Большой палец проходит рядом со шрамом. Через связь приходит тепло – сдержанное, совсем не лечебное.

Йенс наблюдает.

– Вы женаты? – спрашивает он.

Мы с Вейном отпускаем друг друга одновременно.

– Нет, – отвечаю слишком быстро.

– Совсем нет, – добавляет Вейн.

Метка жалит нас обоих.

Элиан закрывает лицо ладонью.

– Великолепно. Даже ребёнок понял раньше вас.

– Писарь, – предупреждает Вейн.

– Я груз. Мне разрешено только наблюдать.

Йенс наконец откусывает сухарь.

Звук маленький. Обычный. Хруст хлеба, а не костей или шестерёнок.

И почему-то именно от него зал впервые перестаёт казаться частью Таррена.

У нас есть один живой ребёнок, три закрытые ниши и пустой диск, ожидающий добровольца.

Плохие новости.

Но Йенс жуёт, Госпожа Пыль ворует крошку, а Вейн стоит достаточно близко, чтобы я чувствовала его дыхание и достаточно далеко, чтобы это всё ещё было выбором.

Для начала сойдёт.

Глава 9. Невозможная родня

Сира

Ирма не могла родить ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.